

Песня слепого

рассказ

Как и многие дети Карабаха, в детстве я любил петь. По-моему, хорошо пел, и за это меня приглашали выступать на концерте самодеятельного коллектива. А мне самому нравилось петь на свободе, в основном когда я со своими сверстниками пас овец и коров в долине реки или на предгорных пастбищах. Ближе к закату мы возвращались с пастбищ. В низовьях долины, недалеко от речки, был кяриз — источник чистой воды, это то же самое, что и родник. Коровы и овцы принимались пить воду из речки. А мы пили из кяриза, умывались, потом шли за стадом, которое уже направлялось в сторону деревни. Впереди шествовали коровы, гордо демонстрируя свои длинные рога, а за ними — козлы и овцы. Переправившись через речку, вся эта процессия выходила на прямую дорогу. Вот тогда мальчики и девочки просили

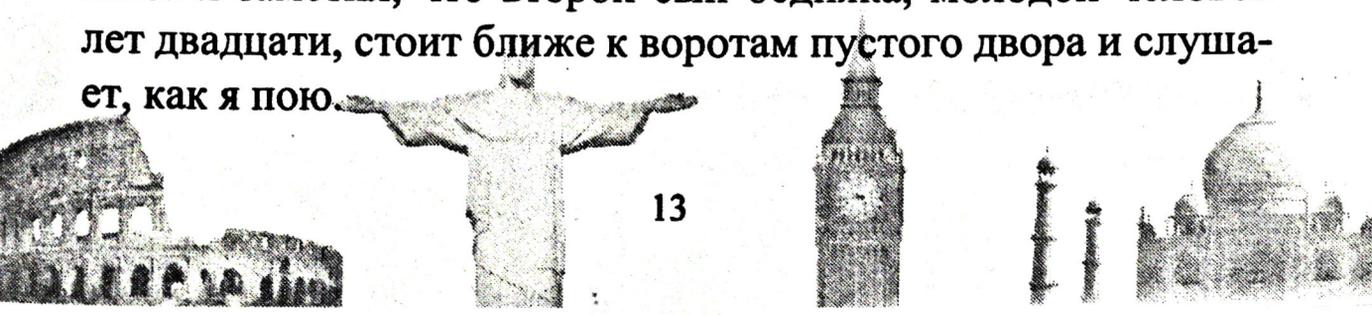
меня петь. Я и сам хотел; всё было так прекрасно и романтично, что волей-неволей хотелось петь. Но была какая-то заминка, потому что я не знал, с чего начинать. А терпение моих товарищей лопалось: «Просим, умоляем! Спой что-нибудь. Да ладно...» Я начинал петь и чувствовал, что выходит хорошо, даже намного лучше, чем на концерте в клубе.

Один раз я запел, когда шёл в школу. Это был редкий случай – я никогда не пел по дороге в школу. В то время я учился в шестом классе, а наши занятия начинались в полдень, то есть во вторую смену. Итак, в полдень, идя в школу, я запел.

В моем репертуаре в основном были народные песни. А идя в школу, я пел песню из спектакля; когда объявляли её, диктор обычно так и говорил: «Песня слепого из спектакля...» Это очень грустная и трудная песня. В тот день настроение у меня грустным не было, но почему-то стал петь именно её:

*Чаша терпения переполнилась,
Где же ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь?..*

Я пел и продолжал свой путь. Прошёл мимо одного дома. Этот дом принадлежал самому бедному человеку нашей деревни. Люди там жили очень бедно: у них ни коров, ни овец, ни козлов не было. У них, по-моему, даже кур не было. И собак они точно не держали. Земля их – приусадебный участок – никогда не вспахивалась, там огорода не было и деревья не росли. Одно-единственное тутовое дерево, на вид старое и чахлое, как его владелец, росло в передней части уныло-серого дома. Куда ни глянь – везде и всюду царила страшная нищета. Пройдя мимо этого дома, краешком глаза я заметил, что второй сын бедняка, молодой человек лет двадцати, стоит ближе к воротам пустого двора и слушает, как я пою.

Я уже дошёл до другого дома – соседа бедняка. Между тем песня уже была на стадии завершения; именно эту часть её, концовку, исполнять очень трудно. Но я успешно справился с этой задачей, завершив своё выступление, облегчённо вздохнул и хотел ускорить шаг, чтобы не опоздать на первый урок. Вдруг услышал звук сзади. Повернувшись, увидел, что этот молодой человек вышел на улицу и смотрит в мою сторону. Как только я повернулся, он тут же сказал: «Гурбан олум, гардаш! Спой эту песню ещё раз. Очень прошу, умоляю!»

Не раздумывая, я начал петь, точь-в-точь повторяя то, что пел до этого. А второе исполнение явно было лучше первого. Завершив своё выступление, я повернулся и посмотрел назад. На расстоянии около ста метров, опустив голову, молодой парень стоял так, как будто это был не живой человек, а некая статуя. Я быстро отвернулся и, ускорив шаг, пошёл в школу.

В то время я не придавал значения этому. Хотя что-то особенное было в просьбе молодого человека. Правда, иногда меня просили петь. Но *так* не просили. К тому же обычно это были те люди, которые меня знали. А я не был знаком с этим человеком. Мы жили в разных, отдалённых друг от друга местах: я – в верхней правобережной части деревни, в Чайкенте, а он жил в нижнем левобережье. Он был старше меня, я с ним не общался никогда. Я просто знал, чей он сын и как его зовут. А он, по-моему, даже не знал, как меня зовут, и вдруг так попросил.

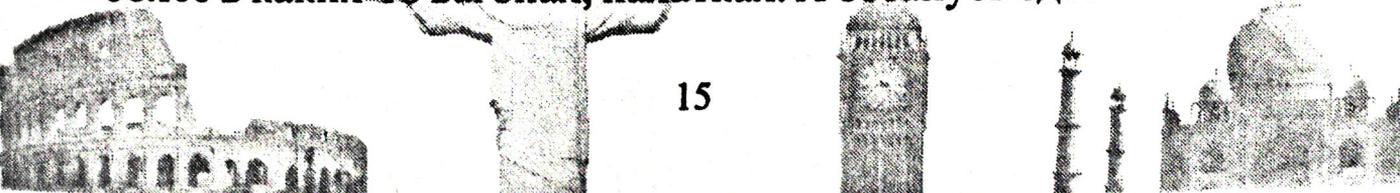
Впоследствии, спустя десятилетия, иногда вспоминая это событие, я постарался кое-что выяснить для себя. В то время в отдалённых деревнях телевизора не было. Радио уже появилось, но мало у кого была такая роскошь. Безусловно, у этой бедной семьи тоже радиоприёмника не было. А какую-то песню люди могли слышать или на свадебных торжествах, или по радио. «Песня слепого» грустна и неритмична, на свадьбах таких не поют. Итак, получается, что сын

Бедняка эту песню впервые услышал в моём исполнении. Она — голос души судьбой обиженного человека, слепого. Чем же лучше человек очень бедный? Он гол как сокол и такой же одинокий, такой же несчастный, как слепой. Бедный сосед соседям не нужен, бедный родственник не родной человек, он чужой, вся родня сторонится его как зачумлённого. Мир таков, он очень жестоко обращается с людьми такого рода. В «Песне слепого» об этом и говорится: слепой, покинутый всеми, одинокий, несчастный человек отвергает этот жестокий мир, считает его несправедливым. Об этом пел и я. А сын бедного мужика услышал. Но это же голос его души! Ах вот оно что, оказывается, есть и песня, в которой поётся о его чувствах и думах! Молодой человек был шокирован. Он выскочил, побежал к воротам — хотел знать, кто же поёт. А вот он, мальчик какой-то идёт в школу. Интересно, кто это? Да какая разница, кто он? Главное, он хорошо поёт. Молодец! Его звонкий голос порхает над деревней, как стая диких голубей, обитающих в Инджирлике, шаркая своими сильными крыльями, рвётся к облакам, ещё дальше — к звёздам... Господи, как он поёт и как точно передаёт то, что всю жизнь волновало сердце бедного парня:

*Чаша терпения переполнилась,
Где же ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь?..*

Когда началась оккупация, не все жители нашей деревни успели покинуть свои дома. Остались в основном пожилые люди. Они не могли поверить тому страшному, о чём говорили многие, и часто, притом с явной иронией, спрашивали: «Как это? Зачем? А куда я пойду, если еле хожу? Нет-нет, что вы! Я даже полдня не могу прожить в другом месте, тем более в каких-то вагонах, палатках. Я останусь здесь. Убьют?

А это зачем? Я никому ничего плохого не сделал...» Артиллерийские снаряды летели над их головами и падали рядом с ними, точно попадая в цель, разрушали наиболее заметные здания: школу, мечеть, административный центр бывшего колхоза, двухэтажные дома состоятельных людей... Обстановка накалялась. А наивные люди – в их числе был и сын бедняка, но уже немолодой – всё медлили, откладывали свой уход. И вдруг... Оказывается, уже уйти куда-то подальше, спастись невозможно. Деревня была оккупирована. Разрушили всё, что можно было разрушить, сожгли всё, что можно было сжечь. Люди... Об оставшихся там людях ничего не известно, их считают пропавшими без вести.

Человек же не иголка, как это – «пропавшие без вести»? Когда деревня была оккупирована, там были люди. Их или убили, или взяли в плен. Однако есть и другая версия: их не убили, в плен тоже не взяли; их не трогали по той простой причине, что в той разрухе они долго не проживут и скоро сами умрут с голоду, – наверное, так и было.

Сын бедняка тоже остался в оккупированной деревне. Но, в отличие от других заложников, он с детства привык к лишениям и трудностям. В принципе, его образ жизни не изменился. У него было и другое преимущество – его дом уцелел. Оккупантов можно понять: зачем разрушать хижину нищего? Зачем сжигать приусадебный участок, если там ничего не растёт? Итак, вся недвижимость бедняка, которую он унаследовал от своего отца, осталась нетронутой. А он продолжил жить в своём привычном режиме. Наверное, ещё долго будет жить. Я даже представляю, чем он занимается: с утра до вечера стоит на улице – это на дороге, которая вела в школу, – возле ворот, где я его видел в последний раз, опустив голову, слушает свою любимую песню – «Песню слепого». Школы как таковой уже нет: её разрушили до основания. А дорога остаётся, но она так заросла травой, даже не верится, что эта длинная полоса когда-то была дорогой.

По этой дороге в школу ходил и мальчик, который любил петь. Особенно хорошо пел он «Песню слепого». Мальчика уже нет: он вырос и давно, даже задолго до оккупации, покинул деревню. А песня, которую он пел всего два раза, остаётся. Его звонкий голос, то поднимаясь, то опускаясь, звучит неустанно, кружится над развалинами деревни, как стая диких голубей в безутешном поиске разрушенного гнезда.

Вся деревня разрушена. Кладбище и мечеть тоже разрушили. Когда-то цветущая и красивая деревня сама превращена в огромное кладбище. В долине реки поселились демоны и дьяволы. Там по ночам бродят призраки. Везде и всюду царит гробовая тишина. Но временами слышен какой-то отвратительный звук – демоны и дьяволы о чём-то говорят между собой. Это так подло и так ужасно, что земля страшно содрогается, мёртвые селятся перевернуться в своих гробах. Внизу, в чаще леса, среди разрушенных домов, в самом центре руин, опустив голову, стоит неподвижно, как статуя, беднейший человек мира; затаив дыхание, он слушает песню слепого:

*Чаша терпения переполнилась,
Где же ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь?..*